

Государственное руководство временно перешло к родовой аристократии, в первую очередь к князьям Долгоруким и Д. М. Голицыну. Эти обстоятельства не могли не отразиться в пьесе: читателям здесь внушается мысль о том, что царь занял престол «по достоинству», однако писатель при этом не скрывает скромного положения претендента в прошлом:

Кто убо аз бех прежде, смирен Езекия?
Ныне мя облекл еси в щедроты благия. . . —

так начинается благодарственная молитва Езекии к богу. Но, оказывается, не только бог «удостоил» его «сести на царском престоле», — Езекия «посажен» на трон своими сенаторами, и Исаакий Хмарный достаточно тонко показывает эту зависимость монарха от своих подчиненных: несмотря на громкозвучные оды, которые ему слагаются, царь своим «военачальникам» не отдает приказы, а «молит» их: «Молю вас за отчество крепчайшими стати», и т. д.

Второе действие является логическим продолжением первого, и в нем снова прославляется Петр Великий, но сделано это иными средствами: если в первом акте еще имеется какое-то подобие сюжетной линии, определяемой, впрочем, больше содержанием библейского рассказа, чем творческой фантазией автора, то второе действие — типичная панегирическая декламация, лишенная всякой фабулы. Исчез из него и царь Езекия, ненужный теперь автору. Начисто забыв о библейском персонаже, писатель выводит на сцену новые говорящие лица: Россию, окруженную Верой, Надеждой, Любовью и Славой, апостолов Петра и Андрея, а в самом конце Геркулеса и Марса.

Во втором действии нарисован обобщенный образ сильного и просвещенного монарха. Он создается с помощью панегирика Петру I и наказа Петру II. Петр Великий именуется «отцом отчества», «модератором» (правителем), «автократором» (самодержцем), «поборителем» других народов. Это царь,

Иже изяществом всех царей превзыде,
Всех добродетели так, как денница, взыде
Толика любомудра Россия не знаше. . .

Он, по словам поэта, —

Верно мерило правды, отчества ревнитель,
Дел славных, героичных, искусны рачитель
Сего велиим страхом Европа стрясеся,
Африка и Азия Петром ужашеся.

Образ могущественного монарха, вырисовывающийся из панегирика Петру Великому, раскрывается дополнительно также в наказе Петру II. Этот литературный прием, который впоследствии будет широко использовать Ломоносов, следует признать